

Дмитрий Попов

Портал Великого Алия

Встань у травы. Смотри, как растет трава. Она не знает слова «любовь». Однако любовь травы не меньше твоей любви. Забудь о словах и стань травой.

Вот этой бредятиной мне и предстояло заниматься ближайшие три года.

— Ничего, Серега, не расстраивайся, — услышал я, когда, после оглашения приказа о распределении выпускников, ко мне вернулась способность соображать. Диман, лучший друг, изо всех сил пытался изобразить на лице сочувствие.

— Я не расстраиваюсь, а думаю,

каким наиболее циничным способом наложить на себя руки, — простонал я и поплелся получать документы.

Сокурсники смотрели на меня кто с сожалением, кто со злорадством. Довольны были в основном местные зануды и отличники, которых на нашем философском факультете хватало. Еще бы — они пять лет не видели ничего кроме учебников, а я жил в свое удовольствие, автоматом получал все зачеты и сдавал экзамены на «отлично». Но я же честно отработывал свои оценки — факультет благодаря мне стал чемпионом университетской спартакиады. Я один был целой командой — участвовал во всех десяти видах состязаний. И вот при распределении праздник кончился. Меня просто использовали в последний раз. Как самую натуральную затычку — чтобы закрыть поступившее требование на молодого специалиста. На эту заштатную Грину, аборигены которой поклоняются траве, добровольно мог полететь только слабоумный. Ну, или, в крайнем случае, фанатик. Как мой нынешний начальник, в экспедицию которого меня определили. Собственно, вся экспедиция состояла из двух человек — профессора Аврелия, сидевшего на планете уже десятый год и какого-нибудь очередного невезучего выпускника.

— А теперь, молодой человек, перечислите мне все восемнадцать слов, которыми обозначается здесь трава и объясните их семантические отличия, — Аврелий довольно откинулся на спинку такого же старого как и он сам кресла, прикрыл глаза и сложил руки на животике.

— Гы, бы, ды, — начал я. — Эти три слова являются обиходными и обозначают траву вообще, без указания на ее божественность. Смысловые оттенки незначительны. Следующая группа — ггы, ббы, дды — также используется в разговорной речи, но уже в качестве божбы или эмоциональных восклицаний.

Когда я закончил ответ, мне показалось, что профессор задремал. И я сделал ошибку — решил потихоньку выйти из кабинета.

— Вот ведь молодежь, — услышал я, едва взявшись за ручку двери. — Что, решили, старый гриб уже на ходу засыпает? Да Аврелий еще себя покажет! Обо мне еще вся Федерация заговорит! У меня сам академик Клинский в учениках ходил! Рано меня хороните!

— Ну что вы, и в мыслях не было, — засмутился я.

— Ладно, — успокоился профессор. — Считайте, что экзамен вы выдержали. Месяц не зря учились. До вечера отдыхайте.

Отдыхать? Это интересно как? Опять перечитывать труды любимого начальника? На Грину не транслировались передачи галактического телевидения. Здесь не было постоянной связи с цивилизованными планетами. Только раз в месяц у базы садился обветшавший грузовой корабль, курс которого по недоразумению пролегал неподалеку. Развлечения местного населения заключались в ритуальных плясках.

Вечером меня вызвал Аврелий.

— Итак, Сергей. Теоретическую часть вы освоили. Сегодня полнолуние — самое время ощутить на себе всю мощь травы. Это будет лишь первый шаг к постижению великой, не побоюсь этого слова, религиозно-философской системы населения Грины.

С этими словами он протянул мне самый обычный стакан с мутно-зеленой жидкостью.

— Я должен это выпить?

— Без сомнения! Это напиток местных богов.

Я хмыкнул и выпил. Мне доводилось пробовать электронные наркотики. Но здесь не было ничего общего с наркотическим опьянением. Я просто стал един с этим миром и в то же время время оставался собой. Я был счастлив, я ощущал, словно ласковые прикосновения, теплые эмоции всех людей планеты. Наверное, поэтому аборигены никогда не воевали и даже не ссорились. А потом глаза стали слипаться.

— Ох, старый дурак, переборщил с дозой. Надо бы его на кровать отта-

шить, — услышал я, засыпая, бормотание профессора. А проснулся на следующий день опять же от его голоса:

— Вставай, тут по твою душу прилетели.

Выглядел Аврелий крайне недозволенным. Поджимал губы, грозно сдвигал кустистые брови и даже обращался ко мне на «ты».

— Прилетели? Это все еще гыдыбывалкут? — я сам удивился, что смог произнести семнадцатое наименование травы без запинки.

— Нет. Ты все-таки плохо учился. Действие уже давно прошло. К тебе, повторяю, прилетели. И мне это не нравится!

— Кто? — я сел на кровати.

— К вам изволили из военной разведки пожаловать. Иди уже, этот офицерик мой кабинет занял, чтобы с тобой поговорить.

Едва я шагнул через порог, как в лицо мне полетел какой-то черный предмет. Чуть отклонившись, я перехватил его, швырнул обратно и прыгнул назад в коридор. Из кабинета раздался громкий смех. А должны были раздаваться совсем другие звуки — предметом была полицейская граната, газ которой вызывал мгновенное расслабление кишечника.

— Заходите, Сергей, заходите, — пригласил меня разведчик.

Я вошел. Гость был молод, лет на пять старше меня. Но уже носил майорские знаки отличия.

— Реакция у вас хорошая, — он даже не подумал извиниться. — Еще бы внимательности чуть-чуть. Граната не была на боевом взводе.

— К чему весь этот спектакль, господин...

— Меня зовут Веденеев. Натан Веденеев, военная разведка.

— Так чему обязан, майор Веденеев? — Я уселся, не дожидаясь приглашения. — Чем простой начинающий ученый заинтересовал вашу блестящую службу?

— Какой вы философ, я знаю, — Натан широко улыбнулся и тут же поднял руки в предупреждающем жесте. — Нет-нет. Ваш земной Универ-

ситет действительно одно из лучших учебных заведений Федерации и готовит прекрасных специалистов.

Я покраснел и промолчал. А разведчик продолжил:

— Скажите, вам ведь здесь скучно? И сидеть на этой Грине еще долго.

— Что вы предлагаете и почему?

— Вот. Я же говорю — хорошая реакция, — обрадовался Веденеев. — А предлагаю я поработать на нас и получить в итоге освобождение от трехгодичной отработки и даже некоторое количество денег на банковском счете.

— Давайте начистоту, — предложил я. — Ваша служба славится сомнительными операциями. Воспоминать хотя бы переводов на Рейне. И уж наверняка вы готовы подставить своего наемника. Да и как быть с Аврелием?

— Аврелий подпишет все, что потребуется, — разведчик наклонился ко мне над столом. — Как вы думаете, зачем у него, философа, физико-химическая лаборатория здесь оборудована? Он тайком ищет способ консервации травяного напитка и мечтает наладить его экспорт. Только он думает, что это тайна. Но мы-то все знаем. Кстати, и не выйдет у него ничего. Вне эмоционального поля Грины трава не действует.

На самом деле, в душе я уже давно был согласен на все, даже не зная никаких подробностей. Слишком сильно было желание вырваться из этой тоски зеленой. И лишь для порядка задал еще несколько вопросов.

Самый дорогой туристический лайнер Федерации назывался довольно примитивно — «Скайуокер». Но это было лучшее судно и, естественно, в первый рейс на Алию отправилось именно оно. Я сидел в голубом зале корабля за столиком с двумя дочками-близняшками знаменитого банкира Авена. Их папаша, ловко разделявая сирийского омара, пытался объяснить мне тонкости игры на всегалактической бирже. Я небрежно держал в руке бокал с настоя-

щим французским шампанским, делал вид, что слушаю, и оболстительно, как мне казалось, улыбался девушкам.

— Дамы и господа! Минуточку внимания, — первый помощник капитана лично вышел на сцену. В залы для публики победнее шла трансляция. — Через несколько минут «Скайуокер» выйдет из второго пространства в обычный космос у Алии. Капитан по традиции обязан быть в это время на мостике и потому уполномочил меня сказать вам несколько слов. Осмелюсь напомнить, что вы — первые туристы со времени установления дипломатических отношений с этой планетой. И, как нам только что передали алийцы, для вас будет устроен грандиозный космический салют.

Раздались аплодисменты, свет в зале начал меркнуть и одновременно стал прозрачным купол потолка. Мы были уже в нормальном пространстве.

— Сергей, ты видел когда-нибудь салют? Я никогда не видела. Это ведь такая редкость и так дорого! — спросила меня одна из близняшек, кажется, Сара.

— Всего один раз, — лениво ответил я. Роль молодого прожигателя жизни, на которого неожиданно свалилось громадное наследство, мне положительно нравилась. — Смотри, это потрясающе.

Космос сиял и переливался всеми мыслимыми и немыслимыми цветами. Узоры огня казались верхом совершенства. Мимо нас пронеслись пламенеющие смерчи, прямо по курсу возникали многоярусные фонтаны, а напоследок из огненных струй сложилась эмблема Федерации.

— Порядка ста миллионов ушло, — со знанием дела сказал Авен.

Дочки посмотрели на отца с укоризной.

— Дамы и господа! — снова обратился к нам помощник капитана. — Завтра утром вы ступите на поверхность Алии. А сейчас я желаю вам приятно провести вечер. Надеюсь, вы по достоинству оцените подготовленную для вас ночную программу.

У Авена неожиданно пискнул коммуникатор. Он посмотрел сначала на экранчик, потом с тоской взглянул на недоеденного омара.

— Девочки, Сергей, — сказал он вставая. — Я пойду к себе. Дела.

— Но папа, ты же в отпуске! — хором произнесли сестры.

— У банкиров не бывает нормальных отпусков. Веселитесь без меня.

Когда он ушел, я бесперемонно схватил близняшек за коленки и наглым тоном произнес:

— Повеселимся, правда?

Две пощечины одновременно — это слишком. Впрочем, позже выяснилось, что это была лишь проверка моей настойчивости. Так что на планету я высаживался с большой головой.

Обзорные экскурсии такая же неистребимая гадость, как тараканы. Не успеешь заселиться в отель и принять душ, а тебя уже тянут разглядывать местные достопримечательности.

— А теперь уважаемые гости посмотрите налево, — кресла нашей летающей платформы услужливо развернулись в нужном направлении. — Перед вами памятник великому Алию — объединителю и учителю народов нашей планеты.

На гигантской триумфальной арке стоял не менее внушительный монумент. Алий был лыс, носил козлиную бородку и прищуривал глаза. Большой палец левой руки он засунул за борт жилетки, а правую руку вытянул вперед, словно указывая направление.

— Здесь, на этой площади, я вкратце расскажу вам об истории нашей планеты, — продолжил молодой экскурсовод, самый обычный парень, каких миллионы. Разве что волосы у него были выкрашены в синезеленый цвет. — Без малого пятьсот лет назад у нас существовало около двухсот государств. Некоторые пытались объединиться, некоторые враждовали. К тому времени так называемый кризис глобального конфликта, характерный для развития любой ци-

визации, был преодолен. И тем не менее, экономика продолжала оставаться нестабильной. Многие жили в ужасающей нищете. И именно в то время великий Алий создал первый портал. Это устройство и символизирует арка. Правительство наиболее развитой по тем временам страны, Юсии, поверило в ученого и решило внедрить его изобретение. После того, как выросло прошедшее через порталы поколение — эта страна сделала огромный рывок в своем развитии и могла бы претендовать на мировое господство. Но великий Алий предвидел это. Благодаря его усилиям технология оказалась в распоряжении властей всех государств. Юсия не простила ученому такого поступка, и он был убит. Примерно пятьдесят лет нашу планету лихорадило. Но затем наступил долгожданный расцвет. Теперь мы едины, у нас нет нищеты и смертельных болезней, мы вышли в дальний космос.

— Так что же делает ваш портал? — не удержался я от вопроса, хотя и знал ответ благодаря тренингу в ведомстве Натана Веденева.

— Он лечит людей от злобы. Стирает все негативные наклонности и пробуждает скрытые таланты человека. Лучше всего он действует на детей. Поэтому у нас есть обряд Шага в мир — едва научившись ходить, ребенок проходит через портал. Но изобретением великого Алия могут пользоваться и взрослые. Правда, сейчас это редкость.

— А мы можем пройти через портал? — спросил я.

— Я лично не хочу, — быстро вставил Авен. — Я потом, весь такой положительный, хе, без работы останусь.

Наша группа вежливо рассмеялась.

— Конечно, сможете пройти, — парень улыбнулся. — Это предусмотрено программой вашего пребывания. Но, к сожалению, он не подействует — наши расы имеют некоторые генетические отличия, которые делают устройство Алия абсолютно непригодным для вас. А теперь мы отправимся

на заседание высшего органа управления нашей планеты — Сената.

Мне показалось, что сенаторы не говорят ни слова. Впрочем, от круглого зала нас отделяла стеклянная стена, и я лишь позже разглядел, что изредка начинают шевелиться губы то у одного, то у другого сановника. Здесь были и молодые и старые, и мужчины и женщины. Понять, кто из них главный я так и не смог. И еще. Было в их лицах что-то странное. И лишь посмотрев на нашего гида, я осознал, что. Они не светились безмятежной радостью, как физиономии всех остальных жителей планеты. Ближайший к нам сенатор, черноволосый мужчина средних лет, неожиданно уставился на меня, а потом чуть заметно кивнул. Я пожал плечами.

К вечеру, чуть живой от усталости, я пришел в гостиницу. Весь мой номер был какой-то осенний. На полу лежал пушистый ковер цвета увядающей листвы, такие же шторы закрывали окно. Мебель из коричневого дерева казалась несколько старомодной. Даже экран коммуникатора был вставлен в вычурную раму из переплетенных стеблей.

В дверь постучали. Местная обслуга считала наиболее вежливым личное общение.

— Да, — отозвался я.

И ко мне вошла Вита. Нет, конечно, это была не она.

— Добрый вечер. Не угодно ли вам чего-нибудь?

Но даже голос казался знакомым! Я упал в кресло и рукой указал ей на соседнее. Горничная осталась стоять. У нее была такая же чуть смущенная улыбка, такие же озорные темные глаза, такая же прическа. Немного полноватые ноги, небольшая грудь, сама поза — все напоминало мне мою первую несчастную любовь.

Да, когда-то я был романтическим юношей, а Вита — воплощением моей мечты. Я ходил за ней хвостиком, дарил охапками цветы и посвящал неумелые стихи. Я даже плакал! Но она выбрала другого. Уже крепко стоящего на ногах профессионального спортсмена.

«Сереженька, ты очень хороший человек, — сказала она тогда. — Правда, очень хороший. Но ты еще так инфантилен. Не обижайся. Мне правда жаль, но это — жизнь».

В тот день я впервые напился вдрызг. Что-то во мне словно сгорело. Это было за несколько месяцев до поступления в университет. Туда я пришел уже этаким слегка циничным покорителем девичьих сердец. И никто не знал, что мои спортивные успехи — всего лишь попытка доказать себе, что я не хуже того парня.

— Не угодно ли вам чего-нибудь? — повторила вопрос девушка.

— Скажи, у вас есть любовь?

— Господин хочет секса? Вы предпочитаете девочек или мальчиков? Может быть что-то экзотическое? Мы можем предложить...

Я замахал руками.

— Господин хочет меня? — горничная послушно начала расстегивать пуговицы белоснежной блузки.

— Нет же. Присядь. Господин не хочет секса. Любовь, понимаешь? У тебя есть парень?

— Да.

— А если он полюбит другую?

— Как это полюбит? Господин хочет сказать, что мой парень будет встречаться с новой девушкой?

— Да, уйдет от тебя.

— Ну и что? Все мы ищем подходящего партнера для того, чтобы жить вместе и завести детей. Я вот все выбрать никак не могу, — неожиданно вздохнула она. — У моего нынешнего цвет глаз не такой, как хотелось бы.

— Ты хочешь сказать, что никто не мучается, если его покидают?

— Нет конечно! — удивилась она.

— Но ведь любовь — это прекрасно. Ради любви люди готовы на подвиги, на безумства!

— Безумства? Это когда люди начинают искать сложное там, где все просто? Но ведь великий Алий...

В этот момент на руке моей гостьи противно запищал браслет. Девушка испуганно вскочила.

— Так не будет ли что-нибудь угодно господину?

— Нет, — буркнул я, и она стремительно высочила за дверь.

А я поудобнее расположился в кресле. Впрочем, никаких особых мыслей у меня не было. Все вполне укладывалось в рамки того, чем меня напичкали в военной разведке.

Кстати, знал бы я, что такое курс интенсивного обучения — может, и не согласился бы на эту авантюру. Веденеев, когда мы прибыли в штаб-квартиру его конторы, сразу вызвал каких-то мрачных людей и коротко сказал, указывая на меня: «Базовые знания. Возвышающие операции, уровень А. Плюс закачать все наработки по Алии».

Меня молча увели. Мы долго ехали на лифте, вниз, судя по всему, потом шли по полутемному коридору и в конце концов оказались в ослепительно белой комнате. Посередине стояло угрожающего вида устройство с ложементом. Мне приказали раздеваться, уложили, пристегнули руки и ноги. А потом натыкали в вены кучу игл, прилепили к телу невысказанное количество электродов, водрузили на голову шлем с проводами, и я отключился. В те редкие моменты, когда я мог осознавать себя, я чувствовал, что меня накачали химией по самую макушку, мышцы скручивало, дышать было тяжело. Болело все, что могло болеть.

Зато через две недели я уже стоял перед Веденеевым бодрый и готовый к выполнению задания.

Да. Все увиденное и услышанное за сегодняшний день вполне соответствовало имевшейся картине. Экскурсовод рассказал почти всю правду. Пять лет назад Алия вышла с нами на контакт. И за столь короткий промежуток времени приобрела огромное влияние на жизнь Федерации, хотя так в нее и не вошла. Но самое главное — алийцы, как ни старались наши дипломаты, не желали раскрывать технологию порталов. Трех шпионов-нелегалов, засланных на планету, вернули в центральный офис разведки в маленьких подарочных коробочках. Чтобы родным было что похоронить, говорилось в прила-

гавшемся письме. А еще в письме сохранилась полная база данных на штатных, внештатных и глубоко законспирированных сотрудников нашего секретного ведомства. Начальник Веденева застрелился. Тогда-то Натан и вышел на меня. Не секрет, что разведка всегда пасется в университетах, а аналитики назвали мою скромную персону наиболее подходящей для вербовки.

Впрочем, провал моих предшественников был не полным. Кое-что важное они узнали — портал вполне мог действовать на людей. Понятно, что нашу первую на планете тургруппу пропустили бы через выключенное устройство. А технология была ох как нужна. Во-первых, пугало растущее влияние Али. Во-вторых, разведка боялась, что при неконтролируемом распространении порталов (исключать подобную возможность было нельзя) может начаться развал Федерации и кровавый хаос. В-третьих, существовали еще Империя и Союз негуманоидов.

По всем данным, и прямым и косвенным, портал не зомбировал людей. Он, казалось, и правда делал их лучше и они оставались вполне нормальными. Такую вещь хотела иметь каждая планета.

И все же что-то мне не нравилось. Эти лица сенаторов, слова горничной...

Я бросил в пепельницу очередной окурок и решив, что на сегодня хватит, отправился в душ.

Утром меня разбудила ненавязчивая мелодия, и почти тут же раздался стук в дверь. Это была совсем другая девушка в накрахмаленном передничке поверх синего платья.

— А где Вита? — тупо спросил я.

— Кто, простите?

— Ваша сменщица, которая заходила ко мне вчера вечером.

— Она больше не работает у нас. Но если вам нравятся девушки именно такого типа, я скажу...

— Не стоит беспокоиться.

— В таком случае, я хочу сообщить

вам, что завтрак через тридцать минут. И не угодно ли господину чего-то еще?

— Спасибо, нет, — ответил я.

Вот так. Уже не работает. Это меня насторожило.

— Вам предстоит долгая дорога, — улыбнулся официант, заставляя столик тарелками, кастрюльками и вазочками. — Советую подкрепиться как следует, лететь до экодеревни всего полчаса, но потом придется около часа идти пешком.

— Это еще почему? — удивился Авен.

— Экодеревня и довольно обширная зона вокруг нее свободны от влияния цивилизации. Там нет привычного транспорта. Под запретом также любые электронные средства связи.

— А животные для поездок верхом? Земные лошади, кирдыки с Брегуса или еще что-нибудь. У вас же наверняка есть подобные?

— О да, — официант снова улыбнулся. — Но ваша программа предусматривает именно пешую прогулку.

— Безобразие, — проворчал банкир, поднимая блестящую крышку с широкого блюда. — А это что?

— Горячий салат. Особый рецепт нашего шеф-повара. Прекрасно восстанавливает силы после ночного веселья. Его рекомендуется запивать зеленым вином.

— Вино на завтрак? — усмехнулся я. — С утра выпил, день свободен?

— Не извольте беспокоиться! Это скорее тонизирующий напиток. От него практически не пьянеют.

— Ладно, наливай! — разрешил Авен.

Вино оказалось терпким, как крепкий чай, и удивительно ароматным. После двух бутылок на четверых, дочка банкира выпили всего по бокалу, на душе стало светлее.

От посадочной станции к экодеревне вела пыльная грунтовая дорога. Обочины ее поросли огромными лопухами. Некоторые из них были выше человеческого роста и, свисая над нами, защищали от палящего солнца. Я пожалел, что не прихватил с собой бутылочку вина. Авен, при его комплек-

ции, страдал еще сильнее, постоянно обтирался платком и бормотал проклятия в адрес туристических властей Алии. Не унывал только экскурсовод, все тот же парень. Он бодро предлагал то посмотреть на поля здешнего аналога земной кукурузы, то на пасущиеся стада, то на работающих крестьян. Потом взялся рассказывать об особенностях климата. Его никто не слушал. Все ободрились, лишь когда показались первые избы и гид сообщил, что скоро у нас будет возможность осесть на постоялом дворе.

Никогда бы не подумал, что молоко из погреба может быть таким вкусным! Я выпил уже две кружки, когда услышал предупреждение экскурсовода, что этого не стоит делать, если меньше чем три часа назад употреблял алкоголь.

— А раньше не мог сказать, — злобно спросил я, чувствуя, что в животе начинает бурлить.

— Извините, но вы так стремительно бросились пить... Я просто не успел!

— Не успел он! Тогда успеи хотя бы туалет показать! — Я уже начал пританцовывать на месте.

— Да, конечно, сюда, пожалуйста! — Парень быстрым шагом повел меня за дом под сдержанные смешки остальных туристов.

Сортир оказался экологичней некуда — дыра над выгребной ямой. Я едва не прищемил палец, задвигая шеколду, и судорожно рванул застежку брюк. Уже через минуту мне стало легко. Через щели между досками двери я видел заднюю стену бревенчатой избы. Вполне земной такой избушки. Даже с наличниками на окнах. Вокруг не было ни души. И тут до меня дошло, что лучшего момента не найти.

Ноу-хау клондублирования наша разведка своровала у Империи. Об этом мало кто знал и, естественно, технология была под строжайшим секретом. Но только не для рыцарей плаща и кинжала. «В полевых условиях мы ее еще не обкатывали. Первым будешь. Ты только найди подходящее

количество органики. Свалку мусора какую-нибудь», — сказал мне майор Веденеев, вручая коробочку ПАКа.

Отходов подо мной плескалось более чем достаточно. Криво улыбаясь, я положил портативный аппарат этого самого клондублирования на пол сортира, сдвинул защитную крышку, набрал код. Мигнул огонек готовности, и коробка раскрылась как цветок. Вниз, прямо в вонючую жижу, словно стебель ушел серый шланг с зондом на конце. Я вынул из бутона пестик-датчик и укрепил на виске. Над цветком образовался метровый зеркальный шар силового поля, и мне пришлось посторониться. Пока шел процесс, я успел раздеться. Поле исчезло и я-второй выпрямился во весь рост.

— Привет, — сказал я-первый. — Одевайся.

Я-второй облачился в мою одежду. До чего же непривычно было видеть себя со стороны! Оказывается, я немного сутулюсь. В университете такого не было. Надо будет немного поработать над осанкой.

— Ну, я пошел, — сказал я-второй и протянул руку.

— Удачи, — ответил я-первый и сделал вид, что не заметил руки.

— Слепил, значит, из дерьма, а теперь брезгует, — сказал я-второй и спихнул отработавший ПАК в дыру. — Сам-то ты из чего сделан?

— Да пошел ты!

— Сам пошел!

И тут мы синхронно заржали. Я обнял себя-второго на прощание, и он ушел.

Много интересных и полезных вещей скрывала разведка от простого обывателя. Я оставил себе еще одну маленькую штучку из тех, что по приказу Веденева постоянно носил с собой — портативный генератор дыхательной смеси. Размяв в руках гелевый шарик, я размазал его по лицу и, содрогаясь от отвращения, ужом полез в выгребную яму. Дыра оказалась достаточно широкой для этого. Погрузившись с головой, я отключился. Это была одна из стандартных психотехник.

Очнулся я, как и задумывал, ровно в полночь. К счастью, я-второй сделал

все по плану — в кустах справа от туалета меня ждал сверток с одеждой, купленной в местной туристической лавке. Наверное, так и возникают легенды о нечисти — кто-нибудь замечает крадущееся огородами и отдаленно напоминающее голого человека существо. А в руках у него кулек — на спеленутого ребенка похожий. Ужас! Впрочем, я выбрался из деревни незамеченным, отмылся в речке, оделся и потопал в сторону, противоположную посадочной станции. Эко-район был расположен в прибрежной зоне, и я хотел выйти к морю, чтобы попасть на один из многочисленных островков.

Остров оказался обитаемым. А первым встречным, как назло, полицейский.

— Имя! — потребовал он, подозрительно разглядывая мою еще не прошошую одежду.

— Тит Ливий Марципан! — точно по легенде заявил я.

— Поэт что ли? — слегка расслабилсся коп.

— Да, вы угадали. Я поэт, я живу на белом свете.

Это была одна из странных и совершенно нелогичных традиций Алии. Поэты носили вычурные имена и обязаны были каждые полгода менять место жительства.

— А вырядился-то чего так? — стражу ордена не слишком нравились мои домотканые брюки и косоворотка.

— Посещал экодеревню, хотел быть ближе к земле. Почувствовать дух простых тружеников, слиться с природой. Сюда вплавь добрался.

— А-а, это вдохновение что ли искал? — На всех планетах копы, по крайней мере, рядовые патрульные, на удивление интеллектуальны.

— Да, вот послушайте, — я уже приготовился читать древнее «Зима. Крестьянин, торжествуя...», но был остановлен красноречивым жестом.

— Здесь надолго останешься?

— Как получится. Я пока не решил. А есть ли на этом благословенном острове портал?

— Конечно. Но зачем тебе?

— Вы разве не знаете? — на удачу спросил я.

— Ну... — Полицейский смутился. — Нам вроде объясняли. Муки из-за творчества, там, еще чушь какая-то.

— Вот! — Я выглядел победителем.

— Ладно, топай давай!

Все шло как по маслу. Легенда работала. Еще немного везения — и я пройду через устройство великого Алия!

Поселок по здешним меркам был небольшим. Миновав несколько окраинных домов, я вышел на ведущий к центральной площади бульвар и тут же столкнулся со стайкой ребятишек. Они сразу сообразили, что к чему:

— Поэт, поэт, расскажи сказку!

Отказывать детям было не принято. Беседы с ними были чем-то вроде общественной повинности.

— Я не детский поэт, — попытался отбрыкаться я.

— Все равно. Ты должен знать минимум семь сказок, — заявила девочка, выглядевшая чуть старше остальных.

— Ну что ж. Слушайте, — сказал я, усаживаясь прямо на траву. Малыши разместились полукругом и замолкли.

— ...принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю! — когда я дошел до этого места, раздался многоголосый рев.

— Уходи! — проговорила сквозь всхлипывания все та же девочка. — Это плохая сказка. Такие нельзя рассказывать.

— Почему? Она же хорошо кончается!

— Потому что тараканы ели детей! — зарыдала она с новой силой.

Господи! Какой же я идиот! Как можно было забыть, что в свое время Алия подверглась жесточайшей атаке насекомых.

Никогда я еще не был так близок к провалу. Стоило хоть одному из детей пожаловаться на странного поэта родителям, и мной занялись бы уже все-рьез. Я припустил по бульвару, но ближе к площади сбавил темп и перешел на прогулочный шаг.

Портал — аскетичная стальная рамка — стоял в центре двухцветного

круга. Подходить полагалось по черной половине. А белый сегмент, на который ступал прошедший рамку человек, видимо символизировал обновление.

Гвардеец в большой мохнатой черной шапке, красном мундире и начищенных до невыносимого блеска сапогах только казался изваянием. Он пришел в движение в тот момент, когда я остановился на границе черного полукружия. Караульный опустил древнего вида ружье к ноге и вытянул вперед левую руку. Прямо в воздухе возник экран. Где были спрятаны сканеры, я так и не догадался, но через мгновение на мониторе появилась моя фотография и персональные данные. Наши хакеры сумели-таки засунуть их в алийскую базу данных.

— Тит Ливий Марципан! Вас ждет великий Алий! — нудным голосом произнес ритуальную фразу гвардеец.

Вот оно! Получилось! Я уже собрался двинуться к рамке, как охранник, похоже, ему было ужасно скучно, попросил:

— Поэт, прочитайте что-нибудь, а?

— Сговорились они что ли, — проворчал я и продекламировал, собираясь обойтись небольшим отрывком:

А жизнь только слово,

Есть лишь любовь, и есть смерть.

Эй, а кто будет петь, если все будут спать?

Смерть стоит того, чтобы жить,

А любовь — того, чтобы ждать.

Висевший в воздухе экран неожиданно замигал, и на нем высветилась предупреждающая надпись: Критическое сочетание и количество слов «любовь», «жизнь», «смерть» на единицу текста. Проводится углубленная проверка Тита Ливия Марципана.

Чем она закончится, я ждать не стал и рванул к порталу. Реакция гвардейца оказалась мгновенной, но и меня готовили не зря. Выстрел попал мне в левую ногу, когда я уже кубарем выкатывался из рамки.

— Стоять! — заорал караульный, бросая ружье и прыгая на меня, словно гепард.

Несчастливого парня наверняка контузило — я взорвался, когда он еще был в полете.

Я вышел из сортира и постарался как можно незаметнее присоединиться к нашей группе. Не тут-то было.

— Поприветствуем Сергея! — захолопал в ладоши Авен. — Молодой человек, расскажите нам, теперь-то вы знаете, как ходили в туалет наши предки. А то я уже не могу слушать про трехпольную систему древних алийских крестьян.

Экскурсовод замолчал, и все уставились на меня.

— Неужели вы не читали знаменитую работу «Туалеты в культурах народов галактики»? — изобразил я удивление. — Ею зачитывалась вся интеллектуальная элита Федерации, а в некоторых гуманитарных учебных заведениях ее ввели в обязательный курс.

— Я больше доверяю первоисточнику, — ничуть не смутился банкир.

— Но еще лучше собственный опыт, — улыбнулся я. И обратился к гиду: — Можно организовать кружечку молока для господина Авена?

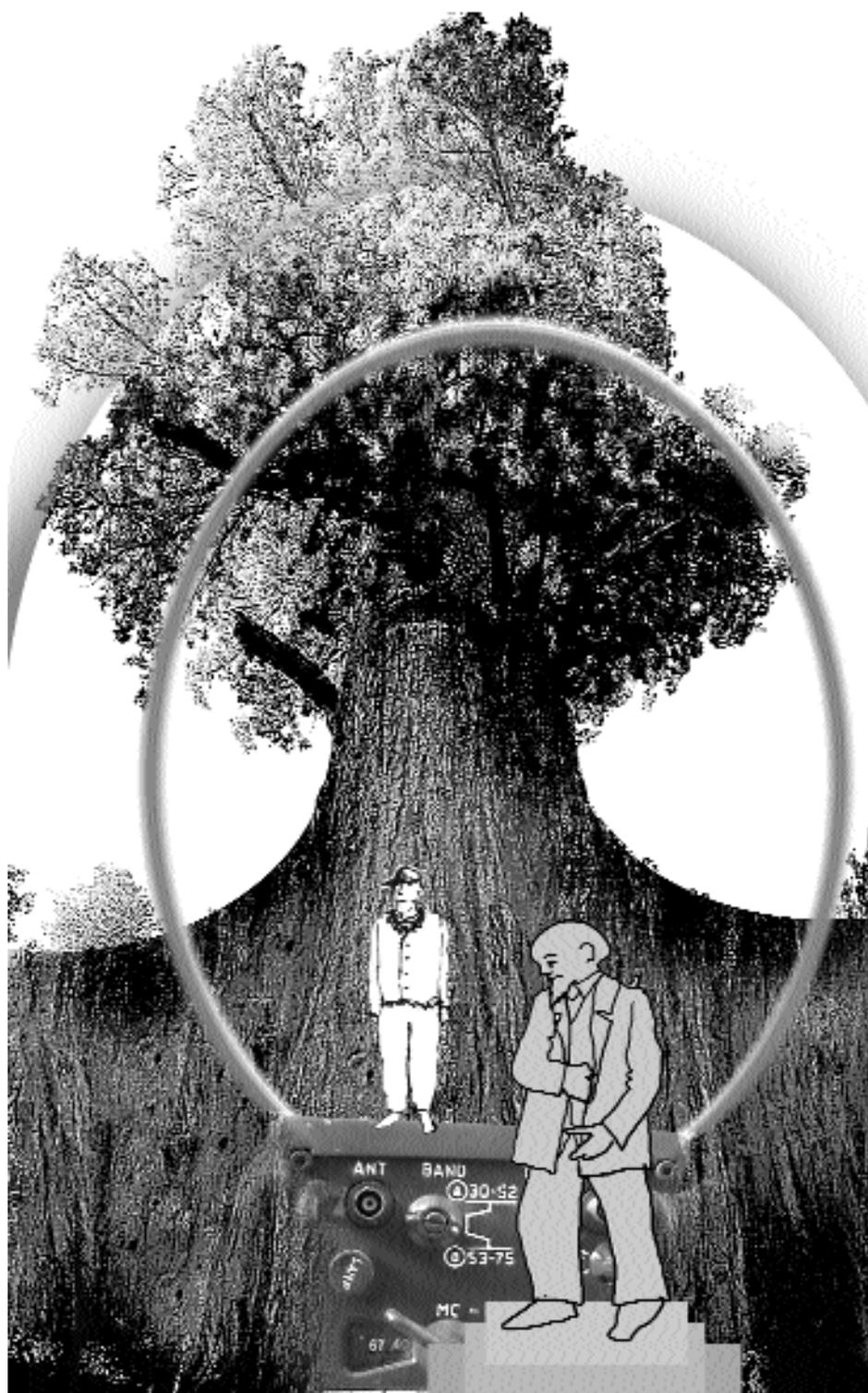
— Ну негодяй! — восхитился банкир. — А еще говорят, нынешняя молодежь ни на что не годится. Один ноль в твою пользу.

Когда-то на Алии был развит внутренний туризм, но с объединением планеты в одно государство он захирел. Позже власти додумались, что надо сохранять некие очаги национальной культуры хотя бы в качестве музеев. Так появилась и эта экодережня. Как я узнал, алийцы ее посещали нечасто, и потому было очевидно, что в сувенирную лавку товары завезли специально для нас.

— Какая интересная одежда, — сказал я, шупая грубую ткань просторных брюк. — Дайте-ка мне два комплекта. Будет в чем заявиться на Золотой маскарад.

— Ой, и ты там будешь! — обрадовалась одна из дочек Авена. — А в прошлом году я тебя не помню.

— Я тогда слишком быстро напил-

ся, — усмехнулся я. — Кстати, тебе нравятся эти бусы?

Седой продавец тут же принялся расхваливать товар:

— Это чешуя рыбы Шу. самого страшного морского хищника. Эта рыба может выползть на берег и нападать на людей. Украшения из чешуи дарят их владельцу силу, здоровье и привлекательность. Берите, отдам совсем недорого.

Авен купил себе топор. Настоящий боевой, как ему сказали.

Такого дохода от туристов деревня еще не получала. Когда мы уходили, наша группа была похожа на орду варваров, только что разграбивших поселение. Разве что в полон мы никого не взяли.

— Уважаемые господа, — обратился к нам гид, когда мы уже подлетали к гостинице. — Я надеюсь, что прогулка вас не слишком утомила и приглашаю после обеда, через два часа, отправиться в самое знаменитое собрание произведений искусства на планете — Галерею Красоты. Смею вас заверить, экскурсия не будет утомительной.

И действительно, посещение музея походило на отдых. Здание было выполнено в форме огромного шара. На полу стояли небольшие кабинки — индивидуальные, двух-, трех- и четырехместные.

— Прошу вас расслабиться, — сказал гид. — На дисплее вы увидите меню и сможете выбрать тип экскурсии. Можно заказать обзорный просмотр по основным вехам развития искусства Алии, можно — тематический, можно подробно познакомиться с одним из интересующих вас направлений.

Я выбрал обзорный вариант, и кабинка взлетела. Она перемещалась от экспоната к экспонату — некоторые были закреплены на стенах шара, некоторые висели прямо в воздухе — и приятный женский голос давал краткую справку по каждому из них.

Наверное, у каждой расы есть свои мадонны. Я долго любовался карти-

ной, написанной около шестисот лет назад, — портретом простой женщины. Самое обычное открытое лицо, прическа без изысков, скромная одежда. И еще что-то совершенно неуловимое. Что-то словно магнитом притягивающее взгляд.

А вот современное искусство Алии меня ничуть не порадовало. Техника рисунка становилась все более совершенной, скульпторы, казалось, могли вылепить что угодно. И все же это были лишь поделки очень опытных мастеровых. Куда-то исчезла та самая искорка, от которой в душе зрителя разгорается пламя сопереживания.

Я приказал кабинке вернуться к более старым экспонатам, опять двинуться к новым векам и попытался определить период, когда, по моим субъективным ощущениям, настоящее искусство умерло. Впрочем, догадка у меня уже созрела.

После ужина в отеле я отправился гулять с дочками Авена. Похоже, на нас все-таки подействовало посещение Галереи Красоты, поскольку болтали мы на весьма отвлеченные и возвышенные темы. И даже когда в одном из многочисленных переулков старого города дорогу нам заступили трое крепких парней, я на удивление вежливо осведомился:

— Что вам угодно?

— Нам угодно, — пародируя меня, заявил одетый в темный просторный комбинезон и тяжелые ботинки лысый грома, — чтобы ты, огрызок, девочками поделился.

Приятели этого уroda хохотнули. Они явно чувствовали свое превосходство в силе и предвкушали нехитрое развлечение.

Вот и верь после этого людям! Наш гид утверждал, что с уличной преступностью, по крайней мере здесь, в столице, фактически покончено. Я немного сместился вперед, чтобы близняшки оказались у меня за спиной.

— Шли бы вы мальчики, — максимально нейтральным тоном произнес я.

— Ты тупой что ли? А ну вали!

С этими словами предводитель троицы попытался ткнуть меня в

грудь ладонью. И тут же оказался на земле. Но мгновенно вскочил. Мне не только не удалось сломать ему руку, но даже хоть сколько-нибудь заметно повредить ее!

— Брыкается, тварь! — лысый хмыкнул. — Ша мы тебя поучим!

Майор Веденеев рекомендовал не включаться до тех пор, пока есть такая возможность. Я честно держался на базовых приемах около минуты. Но парни оказались не промах. Даже чересчур не промах для простого хулиганья. Отлетая от меня, они профессионально группировались и тут же вновь выходили в стойку. Дочки Авена, вместо того, чтобы бежать за подмогой, прижались к стене и истошно визжали. Я начал выдыхаться, пропустил акцентированный удар по бедру и рухнул на колени. Еще через миг меня уже банально топтали. И тогда я включился.

Со стороны это выглядело, словно между трех избивавших меня парней возник вихрь. Скорость моих движений стала почти недоступна человеческому глазу. Лысого я вырубил ударом по горлу, его дружку сломал ключицу, а третьего подсек. И пока он падал, я подпрыгнул и двумя ногами припечатал его к земле.

— Очень пить хочется. Да и съесть чего-нибудь тоже, — сказал я дочкам Авена. Боевой режим довольно быстро высасывал силы. Обычно агентов бойцов непосредственно перед заданием накачивали стимуляторами.

— Ой, Сергей, ты настоящий супермен! Где ты так научился драться! — наперебой затараторили девчонки. В их глазах светилось восхищение.

— Пусть это будет моей маленькой тайной, — подлил я масла в огонь. — Пойдем отсюда.

Остаток вечера прошел без приключений. А намеки сестер на то, что их папа наверняка сильно утомился, и будет крепко спать, я упорно не понимал.

В номере меня ждало приглашение на встречу с сенатором Дарием. В число приглашенных также входили банкир Авен, журналист Мин Кин и владелец крупнейшей в Федерации

сети магазинов господин Спенсер. Встреча должна была состояться завтра утром. Дарий в своем послании вежливо извинялся, что прерывает наш отдых, и выражал надежду, что мы не откажемся провести с ним неформальные переговоры, которые будут способствовать и так далее и тому подобное.

— Проходите господи. Рад, что вы не отказали и согласились посетить меня в моем скромном кабинете, — это был тот самый, кивнувший мне в прошлый раз, сенатор. — Еще раз прошу прощения за беспокойство, но, думаю, вам будет не менее интересно, чем на экскурсиях.

— Скажите, — довольно резко начал Мин Кин, усаживаясь в глубокое бархатное кресло. — Вся эта роскошь считается у вас скромным кабинетом? Вы же слуга народа!

— Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, — улыбнулся Дарий. — Но сначала, по традиции, имеющейся у многих народов галактики, предлагаю выпить за встречу.

Одновременно с этим словами в комнате появилась симпатичная молоденькая девушка. Она ловко несла поднос с высокими бокалами и стоящей в центре темной бутылью.

— Вот это да! — выдохнул Спенсер, осушив свой фужер. Для торгового магната, о немногословии которого слагали анекдоты, это была очень длинная фраза.

Авен и Мин Кин совершенно одинаково зажмурили глаза от удовольствия и откинулись в креслах. И лишь через полминуты я понял, что они уже не жмурятся, а просто спят. Свесил голову на грудь и наш молчун.

— Вот теперь можно и поговорить, — произнес сенатор.

— Весьма интригующе, — подбодрил я.

— Дело в том, Сергей, что мне известно кто вы и зачем прибыли на Алию. Если бы не я, вас бы уже давно упаковали также красиво, как и троих ваших предшественников.

— И теперь вы намерены меня перевербовать?

— Нет. Просто завербовать. Мне

нужны ваши услуги здесь. А вы взамен получите то, к чему стремились.

— Выбора у меня нет. Я правильно понял?

— Вы же философ! Если я просто скажу, что выбора нет — это ограничение вашей свободы. Но если я обрисую ситуацию, и вы осознаете, что выбора нет — это уже свобода. Та самая, которая осознанная необходимость.

— Не совсем так, — уточнил я. — Но можно ближе к делу?

— Можно, извините, — Дарий встал и налил мне еще. — Да вы не бойтесь, дело не вине, а в бокалах. Так вот. Вы ведь и сами пришли к неким выводам о сути порталов? Впрочем, слушайте. Алий был уникальным для своего времени ученым — специалистом не в одной области, как большинство его коллег, а сразу в нескольких. И он нашел вместилище души.

— О как! А бога он не нашел?

— Ну, хорошо, — поправился сенатор, посмотрев на меня с осуждением. — Он определил зону мозга, отвечающую за так называемые вечные вопросы. Да, да. Все эти рассуждения о смысле жизни порождаются в одной единственной и четко очерченной области под нашей черепной коробкой. И самое главное, Алий научился глушить эту область!

Пока я обдумывал услышанное, Дарий отошел к окну. Прижался лбом к стеклу, постоял немного, словно собираясь с мыслями, а потом обернулся:

— Понимаете вы или нет! — почти выкрикнул он. — Вся планета живет и не задумывается — зачем? Они не тупые, нет. Они умные. Настолько умные, что понимают, выгоднее быть послушными. Устройство Алия лишь освобождает от душевных мук. И все идет по плану. Строятся дома, рождаются дети, развивается наука, пишутся стихи и картины. Но вы видели эти картины! Любовь здесь больше не живет, а вся наука занимается только тем, как сделать жизнь еще сытнее. Но мы деградируем. В биороботов превращаемся. Пока еще не заметно, но процесс пошел.

— А вы, Дарий?

— В сенаторы отбирают еще с детства. Ребенка во время обряда Шага в мир проводят через выключенный портал. Но об этом знает только ограниченный круг лиц. За воспитанием малыша следят, потом забирают в особую школу. В конечном итоге он становится одним из нас.

— И вынужден мучиться, управляя планетой людей с кастрированной душой...

— Жестокий, но точный образ.

У Дария на столе замигал экран. А меня вдруг словно окатили кипятком. Я вскрикнул и дернулся, но боль тут же прошла.

Сенатор оторвался от коммуникатора и уставился на меня.

— Интересно, — задумчиво протянул он. — Что ж. С одной стороны это упрощает дело.

— Что-то случилось? — поинтересовался я. — Ваш заговор раскрыт?

— Нет. Пока нет. Сергей, скажите, а что вы собирались делать после получения информации по порталу?

— У меня три варианта, как раздобыть данные.

— Я спрашиваю, что — потом?

— Собственно, я должен заполучить ноу-хау, — недоуменно произнес я.

— Все ясно, — грустно произнес Дарий. — Я только что видел вашего клона. Он выполнил задание. Теперь ваша очередь.

— Я все еще не понимаю сути.

— Когда сюда прилетели первые шпионы, я еще не был готов. Теперь мне удалось убедить сенат создать, якобы в целях безопасности, единый центр управления порталами. Программа существует в одном экземпляре. Восстановить ее не сможет никто. Резервную копию я давно уничтожил. А вы должны уничтожить главный компьютер.

— Вы ввергнете свою планету в хаос! Через поколение здесь начнется дикий разброд.

— Да, — тихо сказал Дарий. — Но вы, ваши народы, сумели выжить и остаться людьми. Пусть вы и балансируете постоянно на краю бездны. А

мы... Возможно, мы никогда не придём к такой стабильности, как сейчас, но Алия станет живой планетой.

— Зачем вам я?

— Я сам не смогу взорвать компьютер. У всех допущенных к нему — психокодирование.

— Предположим, я согласен. Я не агитатор. И ваши проблемы — это ваши проблемы.

— Вы скачаете себе в мозг нужные файлы, заложите взрывчатку и уйдёте, — отводя глаза в сторону, сказал Дарий. — Зал управления под нашим зданием.

— Выпьем на дорожку? — предложил я.

— Выпьем, — согласился сенатор. — Охрана, конечно, так себе — оппозиционеров или просто недовольных у нас быть не может. Но убивать придётся. Надеюсь, стреляете вы не хуже, чем деретесь. Вы, кстати, здорово моих ребят покалечили.

— Честно говоря, мне не приходилось убивать. И не хотелось бы.

— Абсолютная свобода выбора — или вы, или вас, — проговорил Дарий, вытащил из-под стола сумку с оружием и немедленно выпил.

Из лифта, который привез нас глубоко под землю, мы вышли в небольшой серый коридор, заканчивающийся массивной дверью. Рядом с ней стояли двое охранников. Дарий, улыбаясь, пошел вперед. Руки он держал за спиной. В правой был излучатель. Заметив меня, охранники попытались взять оружие на изготовку, но сенатор опередил их. Два тела тихо сползли на пол. Раны дымились, и я закашлялся.

— Включайтесь, Сергей! — крикнул на меня Дарий.

— Поехали! — ответил я, когда была открыта дверь.

Древнее искусство качать маятник, значительно усовершенствованное за столетия, да плюс современные технологии повышения физических возможностей... Я даже не уверен, заметил ли меня второй пост охраны. То есть парни, конечно, открыли

шквальный беспорядочный огонь, но понять, кто их убил, скорее всего не смогли.

Дарий подошел ко мне хромая. Его все-таки зацепило.

— Вас очень хорошо готовят, — сказал он, морщась от боли. — Мы идем даже быстрее графика.

Сенатор, как и в первый раз, забрал ключи у охранника, и мы вошли в компьютерный зал. Я ожидал увидеть что-нибудь фантастическое. Например, плавающий посреди комнаты малиновый шар позитронного мозга, бьющие из него столбы света, или, на худой конец — экран во всю стену с картой Алии и точками порталов. Все оказалось куда банальнее — примитивная стойка с системным блоком и голографический монитор перед офисного вида креслом.

Мне даже стало не по себе от обыденности происходящего — Дарий ввел пароль, я подключился к системе. Через минуту все было закончено. Голова болела невыносимо. Я прикрепил к корпусу компьютера полученную от Дария мину, выставил время и тут сенатор сбил меня с ног:

— Не смей! — заорал он и протянул руку, чтобы отключить бомбу.

Нажать кнопку он не успел. Я дернул его за раненую ногу, и Дарий оказался на полу рядом со мной.

— Психокодирование, — ворчал я, связывая брыкающегося противника. — Тащи его теперь на себе.

Но нести сенатора мне не пришлось. Я взвалил его себе на плечо, отметил, что прошла голова, а значит, данные обработаны и упакованы, и взорвался.

— Майор, какого черта вы не сказали мне про эффект близнецов, — сказал я вместо приветствия, когда меня вызвал Веденеев. — Лежу, никого не трогаю, фильм смотрю, и вдруг меня словно ошпарили, а потом еще раз.

— Да мы и сами не знали, что вы смерть клонов почувствуете, — ответил Натан. И виновато добавил: — Я

же говорил, вы у нас первопроходец. А теперь — расшифровка.

Я взял в руки диск, на котором были записаны добытые моими клонами сведения. Когда взрывалось их тело, на «Скайуокер» уходил пакет данных. Даже если алийцы могли бы отследить передачу, заглушить ее они не успевали. Теперь эти файлы нужно было записать в мой мозг. Другого варианта декодирования просто не существовало — ведь именно я был «отцом» клонов и, соответственно, ключом к информации.

— Ну что ж, начнем? — сказал я. — Мне уже порядком надоела ваша гостиница.

Процедура проходила все в том же пыточном, как я его назвал, кабинете. На этот раз она заняла всего около двух часов, но вымотан я был, как после марафона.

— Коктейля? — предложил мне техник, когда я, шатаясь, встал с кресла.

— Спать, — буркнул я.

Веденееву выпастыся не удалось. Утром он был зеленоватого оттенка, и от него ощутимо несло перегаром.

— Вам, Сергей, будет очень обидно, если я скажу, что миссия провалилась? — спросил он.

— Но ведь...

— Я спрашиваю — обидно или нет?

— Знаете, майор, а вы мне нравитесь, — сказал я, наконец сообразив, в чем дело. — Вам тоже не пришлось по душе устройство великого Алия?

— В гробу я видел такие устройства!

— Ну надо же! В разведке служат благородные романтики! — съязвил я.

— Марш мозги промывать! — рявкнул Веденеев.

— Есть, сэр! — в тон ему ответил я.

В правление закрытого акционерного общества «Грина» входили четыре человека — я, профессор Аврелий, бывший майор Веденеев и его друг. Тот самый техник, что предложил мне коктейль. Парень оказался не промах. Именно он, роясь в моих мозгах, додумался, как превратить портал в устройство для консервации замечательных свойств травы.

Дела у нас шли неплохо.

ОБ АВТОРЕ:

Дмитрий Попов родился в 1971 году в Москве. Детство провел на Волге и в Днепродзержинске на Украине. Проучился один курс в МАИ, отслужил в пограничных войсках. Профессиональный журналист, окончил заочное отделение журфака МГУ. В настоящее время — заместитель директора Службы информации газеты «Московский комсомолец». По собственному признанию, фантастикой увлекается с раннего детства, однако впервые рискнул сам написать НФ-рассказ, только уже приобретя большой журналистский опыт. Принимал участие в ряде сетевых конкурсов, первой же жанровой публикацией в большой печати стал рассказ «Быть сильным», победивший на конкурсе журнала «Если» «Альтернативная реальность» (2004). С тех пор опубликовал еще несколько рассказов в периодической печати.